

 ПРАЖСКАЯ
РУСЬ

ВАРЯЖСКАЯ РУСЬ

Варяг

Место для битвы

Князь

Герой

Язычник

Княжья Русь

Государь

Богатырь

Золото старых богов

Доблесть воина

Смерти нет

Дерзкий

Я в роду старший

Сквозь огонь

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

ВАРЯГ
ЗОЛОТО СТАРЫХ БОГОВ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Дизайн серии *Алексея Дурасова*
Иллюстрация на переплете *Валерия Петелина*

Мазин, Александр Владимирович.

М13 Варяг. Золото старых богов / Александр Мазин. —
Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Варяжская Русь).

ISBN 978-5-04-168701-4

Сын князь-воеводы Сергея Илья Годун вернул и приумножил прежнюю силу. Но чем сильнее воин, тем сильнее его враги. Трудно устоять в одиночку, легче, если за тобой — твой род, если рядом — верные соратники. Но бывает так, что герой скачет слишком быстро. Так быстро, что свои не успевают, а чужие уже ждут. И еще ждет его кое-что похуже смерти, ведь сказано было за тысячу лет до его рождения: не будет пользы тому, кто приобретет весь мир, а душу свою потеряет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168701-4

© Мазин А.В., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ГЛАВА 1

Удачная встреча

Киево-Черниговский тракт

Ехали не спеша. До Морова оставалось всего ничего, до темноты точно успеют.

Впереди Илья с Малигой. На Илье — новая, третья уже золотая гривна. Первая — его собственная, вернее, подаренная батею, когда Илье гриднем стал. Самая тонкая. Эта хоть и называлась гривной¹, но по весу хорошо если на четверть тянула. Вторая, трофейная, потяжелее, искусно витая, с трехголовым псом. Её Илья добыл ещё во времена, когда был калекой. Снял с шеи убитого им Свардига, бывшего княжьего сотника, а потом разбойника и татя. Нелегко это было: калеке убить варяга и княжьего сотника, но Бог пособил: избавил и от лютой участи, и от злого ворага. Хорошая гривна, тяжёленькая. Свардиг её когда-то с шеи свейского ярла снял, а уж тот с чьей — неведомо. Великокняжья гривна — третья. Илье её князь Владимир вчера вручил. Знак это: Илья теперь — старший

¹ Гривна в Киевской Руси не только шейное украшение, но и единица веса. Порядка 400 граммов в описываемое время.

гридень киевской дружины. При том, что Владимиру он на верность не присягал. Но и без того понятно: надо — послужит, однако подарок изрядный. Такой впору за отменное геройство в битве давать, а не за какого-то разбойника. Но Соловей этот — разбойник особенный. И не потому что именно он когда-то Илью искалечил, а потому что, как сказал по-ромейски батя: дело это политическое. За великим князем — Христос, за Соловьём — старые боги. Если не может никто из людей князя Соловья укротить, то получается, старые боги сильнее Христа. Потому и награда Илье щедрая. И разбойника Соловья не казнили попросту как татя, а в темницу великокняжью прибрали. Хотя, думалось Илье, спрашивать его там будут не о богах, а о схоронках с добычей. Ну да это уже Ильи не касается. Он своё получил.

Малига, десятник, с которым Соловья взяли и который сейчас обочь Ильи едет, тоже без наград не остался. Его уже сам Илья одарил. Так батя велел. Сказал: «Малига — твой человек, сам и поощри». Новая кольчуга на Малиге, шлем новый, браслеты серебряные увесистые на руках. Доволен Малига. Да и кошель у него потяжелел изрядно.

И у тех дружинников, которые ехали сейчас позади княжича, тоже добра изрядно прибавилось у этих шестерых и у тех, кто ранен. Трое тяжёлых сейчас в Морове отлёживаются, трое полегче — в Киеве остались. Илья их с собой не взял. В Морове лекарь хороший, но в Киеве лучше.

Хорошо на дороге. Тишина. Лес осенний золотом горит в лучах вечернего солнца...

— Караван недавно прошёл, — произнёс Малига, глядя на землю впереди.

— Караван! — Илья фыркнул. — Тоже скажешь! Три воза и пещев шестеро.

— Возы, однако, тяжёленькие, — заметил Малига. — У одного колесо вихляет. Может, поломалось, а может, чека выпала...

Илья взгляделся.

— Поломалось, — решил он. — Если бы чека, они б уже поправили, а раз едут, значит, запасного нет. Надеются на этом до Морова дотянуть.

— Ого! — вдруг воскликнул Илья. — С чего это они помчались?

Сразу понял, с чего.

Кровь на земле. Припорошенная пылью, но всё равно заметная.

— Малига, глянь! — велел Илья, вынимая изготовленный к бою лук. В дороге Илья тетиву с рогов не сбрасывал.

Десятник спешился, поковырял пальцем:

— Свежая! И тело вон в кусты уволокли! Миловид, глянь...

— Не надо! — остановил отрока Илья. — После!

И послал Голубя в галоп, выдёргивая из тула стрелы.

Скачка продолжалась недолго.

Обоз остановили. На дороге можно было легко разглядеть и кровь, и другие заметённые следы. И обломки колеса, которые побросали на обочину, и глубокий след колёс, уводящий в лес.

Малига вновь спешился. Понюхал обломанную и кое-как прилаженную на место ветку.

— А ведь совсем недавно прошли! — обрадованно проговорил он.

Илья улыбнулся радостно.

— Это мы удачно проехали! — заявил он. — Бог нас любит!

Дружинники весело загомонили.

— Тихо! — рыкнул Малига. — Они могут быть близко. Вперёд!

В лесу след стал более явным: здесь его особо не прятали, да и как спрячешь след от телег, которые волокут через кусты?

А вот и овраг. Знакомая повадка!

— Возгарь, глянь! — велел Илья.

— Не отстанем? — забеспокоился Малига.

— Не-а. Они с полоном. В болоне — бабы. Быстро не пойдут.

В лесу уже было темновато, однако помимо впечатков копыт можно было разглядеть и следы пеших. Причём эти пещцы ходить по лесу не очень умели. А вот этот маленький каблучок — точно женский... Нет, с такой челядью разбойникам не разогнаться.

Возгарь, матёрый гридень из кривичей, спустился в овраг.

— Вozy здесь! — крикнул он снизу. — Один — без колеса. И ещё мёртвые. Вижу троих. Ободраны до исподнего. Убиты стрелами. Дальше искать?

— После! Вылезай! Гридь, рысью!

Быстро темнело. Пришлось сбавить скорость. Илья был уверен, что Голубь и в темноте найдёт, куда ступить, но вот по следу он идти не приучен. Всё же не пёс...

— Рознег! Первым ежай! — скомандовал Малига. — Парень в темноте видит, как рысь, — пояснил он.

Илья спорить не стал. Рознег молод, отрок ещё. Зато из природных варягов. Обучен как следует.

А в темноте он и впрямь видел как кошка. Цепочка дружинников сразу пошла быстрее.

Им повезло ещё раз. Когда стемнело настолько, что даже Рознег ничего не мог разглядеть, а кони перешли на осторожный шаг. И тут потянуло дымком. Костёр.

— Спешиться, — скомандовал Илья. — Малига, разберитесь пока с лошадьми, а я сбегая гляну.

— Понял. Рознег, Возгарь — с княжичем!

Илья хотел было запротестовать, но понял, что Малига прав. И не только потому, что хочет прикрыть Илью. Если они отыщут разбойников, то кому-то надо будет сообщить остальным, а кому-то — остаться наблюдать.

Да, маловато пока у Ильи воинского опыта. Хотя опыт, как сказал когда-то Богуслав, — дело наживное. Главное — выжить, пока его набираешься.

Костёр. Устроен умело: два длинных сухих ствола горят крест-накрест под сенью вековой ели, так что дым теряется в кроне, да и свет тоже. Издали не заметишь, но русам повезло: они оказались близко.

Вокруг костра — семеро. По виду охотники. Что удивило: старшей, похоже, была женщина. Рослая, широкоплечая, в мужской одежде, но с мужчиной всё равно не спутаешь: слишком много плоти за пазухой.

Неподалёку — гора поклажи и упряжи. А немного поодаль — семеро связанных: четверо мужчин и три женщины. Две — совсем молоденькие.

Чуть в стороне — стреноженные кони. Не меньше двух десятков.

«Шестеро — это немного, — подумал Илья. — Втроем возьмём легко».

Да он бы и один взял: у тех татей, что близ костра, только тесаки да пара топоров, воткнутых в стволы.

Остальное: луки, тулы со стрелами — шагах в десяти, подальше от огня. Пока дотянутся...

— Берём! — азартно прошептал Илья Рознегу и Возгарю. — Прикрывайте!

Он убрал лук в налуч, выпрямился, вынул из ножен мечи и неторопливо вышел на освещённую костром полянку.

Большая ошибка с его стороны.

В оправдание Ильи можно было бы сказать, что ему слишком везло в последнее время. Это и вселило ложную уверенность: мол, достаточно ему, княжичу и старшему гридню, показаться во всей красе — и ошеломлённый враг тотчас в ужасе опрокинется навзничь.

От мгновенной смерти Илью спасли добрая бронь и то, что стрелок не стал бить в лицо, а решил, что сумеет пробить кольчугу.

Шибанувшая в спину стрела толкнула Илью вперёд... И вторая стрела ударила в живот. Больно! Но кольчуга и тут выручила. А вот от брошенного в лицо топора бронь точно не уберегла бы, но Илья увидел бросок и уклонился. А метнувший топор разбойник тоже схлопотал стрелу, скорчился и рухнул в костёр, подняв столб искр. И дико завопил.

Илья прыгнул вперёд, перемахнув через бревно, на котором сидели разбойники, ухватил первого попавшегося, закрылся им и бревном от затаившихся в темноте стрелков и заревел туром:

— Грiddy!!! Сюда!!!

Свистнула ещё одна стрела. Удар — и разбойник, которого сцапал Илья, охнул и перестал трепыхаться.

И всё. Топот нескольких пар ног, тут же потерявшийся в лесу. Плач пленных девок, треск костра, вонь горелого мяса...

— Что ж ты, княжич, так... неаккуратно, — укорил Малига. — Подождал бы нас... А если б убили тебя?

Илья помалкивал. Мрачно. Во всём прав Малига. Зазнался он, Илья Сергеич. Решил от жадности к славе всех врагов в одиночку поразить.

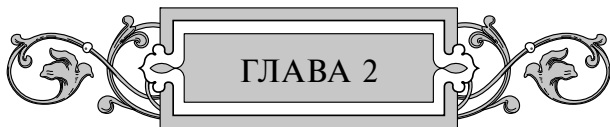
И получил, что заслужил. Прав Малига: счастье, что не убили.

Итог схватки не радовал. Трое разбойников — насмерть. Раненых, чтоб допросить, — ни одного. Пленников, правда, освободили и добычу, взятую на караване, отняли. Но остальных татей бездарно упустили. В том числе и бабу. А ведь баба эта — не кто-то там, а любимая младшая жена Соловья именем Хворь. Пленные рассказали: билась она наравне с мужами и лично зарубила секирой купца.

И где теперь эту Хворь искать?

Была, правда, у Малиги мысль: пару разбойничьих лошадок на свободу отпустить. Вдруг к жилью выведут.

Утром попробовали... Не получилось. Никуда лошадки не пошли. И человеческих следов не осталось никаких. Ушли тати. Из-за беспечности и наглости Ильи. Ой, стыдно!

ГЛАВА 2

Князьи заботы

Моров

Юница спала, свернувшись калачиком. Утомилась. А вот Илье не спалось. Соловья он изловил, тем не менее нападения не прекратились. Кулиба сообщил о ещё одном пропавшем караване. Сотник Гордей, командир присланных батей дружинников, поведал о другом случае: о спугнутых лесовиках, которые сунулись к каравану фальшивому, но вовремя распознали переодетых воев. Прибавить сюда тот обоз, остатки которого спас Илья, и вышло, что Соловей попался, а разбоев стало только больше.

Сначала Илья очень расстроился. Особенно из-за собственной оплошки. Но сейчас, после совещания, ужина и сладкой девки, успокоился и решил, что дела обстоят лучше, чем показалось сначала.

Во-первых, у него нынче больше двухсот воинов, значительная часть которых опытная гридь. Подобной дружиной, даже вполонину меньшей, далеко не всякий князь похвастаться может. Во-вторых, командуют моровским войском люди умелые и достойные.

В-третьих, до сей поры за разбойниками не замечалось, чтоб они нападали на фальшивые караваны. А тут купились. И почти попались. Батя, правда, по этому поводу сказал бы своё обычное: почти попал — это значит промазал, но всё же...

Да и часть пленных они отбили, чего ранее тоже не случалось.

И не такие уж они храбрецы, если сразу сбежали, не попытавшись дать настоящий отпор. Сбежали, правда, умело, но всем понятно, что драться с гридью на равных тати более не рискуют. Их ведь, по словам отбитых пленников, было примерно столько же, сколько у моровских, — девятеро. Это всего. А побежали разбойники от троих. Даже и не подумали драться, хотя часть в схоронках сидела.

И все они дали дёру. В драку полез только тот, с топором, но и он, похоже, со страху. Так что повезло Илье, что говорить. Будь в том отряде кто-то равный Соловью или Зибору — случился бы бой, и бой жестокий. Илье оставалось только радоваться, что разбойники удрали. Не то в семь луков они могли прижать и Рознега, и Возгаря, не говоря уже об Илье, который по собственной глупости оказался бы на виду и в окружении бьющих из темноты опытных стрелков.

Какой из этого вывод?

Рисковать соловьята не хотят. Коли так, то можно пока принять предложенное Гордеем: сбивать малые караваны вместе и придавать каждому по пять-шесть дружинников. Людей хватит, ещё и на дозоры останется. Для начала план стодится. Но только для начала. Охранять караваны — это уже означает уступить разбойникам. Ни Святослав, ни Владимир не

смогли бы примучить вятичей, если б ограничились охраной идущих по Оке кораблей, всё остальное отдав лесовикам. Надо брать под себя всю землю. Знать не только о каждом селище, о каждой затерявшейся в лесах охотничьей избушке.

Когда Илья с батей последний раз разговаривали, батя нарисовал картинку-карту Моровского княжества. Показал на узкую прибрежную полосу и сказал:

— Это уже наше. — А потом обвёл стилем огромное в сравнении с синей ленточкой Десны зелёное пятно и сказал: — А это должно быть нашим. Потому что, Илюха, это и есть наше главное богатство. Не заселённые и застроенные берега, а вот эти бескрайние земли. И ежели заселим их все, Илюха, то станем мы, Русь, побольше Византии. Однако обо всей Руси пускай великий князь печётся, а нам с тобой о княжестве Моровском надо порадеть. Сам подумай, какое место славное. Киев — близко. Чернигов — ещё ближе. А главное, всё, что добудем, куда хочешь повезём. Хочешь — к ромеям, хочешь — к полякам, чехам, германцам. Вот она, дорога! — Батя ткнул стилем в синюю ленточку. — И вот другая дорога. — Батя показал на совсем тонкую чёрную линию тракта. — А ещё если бы вот здесь мост построить и оба берега связать... Но сначала — это! — Батя опять ткнул стилем в зелень лесов.

Илье батина мысль была понятна. Но как её воплотить, Илья пока не знал. Батя, наверное, знал, но помалкивал. Надо думать, ждал, как сын разрешит эту задачку. И Илья её разрешит, куда он денется.

Не зная, как унять мысли (поспать-то всё же надо), Илья пихнул девку. Спит, тёлочка. Хотя...

Можно и не будить.

Илья перевернул её на спину. Спит. Розовый ротик приоткрыт, белые сиськи с такими же розовыми сосками расплылись, мягкий живот ходит ровно вверх-вниз. Бёдра тоже мягкие и белые сверху, но на ладонь выше колен уже покрыты загаром. Чем ниже, тем гуще. Это от стирки. Так-то ноги заголять — стыд, но во время постирушек можно. Вот и примагнивают парней голыми лягами.

Илья усмехнулся, перекатился на руки, замер над девкой. Наваливаться не стал — этак и раздавить недолго, — впихнул колени между мягких бёдер, двинул ногами в стороны, освобождая причинное местечко, и толчком вогнал уд в ещё не обсохшую жаркую вагину. Правильно ромей её назвали: вагина. Точно, как ножны для меча. Хорошие ножны — они тоже мягкие, войлоком изнутри проложены или шерстью, чтоб влагу впитать... Ну, столько влаги никакие ножны не впитают!

Юница заохала, застонала: «Го-о-дун...», попыталась обхватить Илью ногами, но он не позволил. Наоборот, приподнялся, перебросил колени так, что оказались снаружи, и сдавил, стиснул ими и девкины ноги, и норку её, и собственный уд.

Во-от так хорошо! Вот так сла-адко! О-о-о!

— У-у-у! — завывала девка. Потом: — Ах, ах, ах! — будто задыхалась. А может, и впрямь задыхалась, потому что Илья уже не стоял над ней, а наваливался, пахтал мощными короткими ударами, упираясь уже только локтями и впиваясь ртом в нежное пульсирующее горлышко до самого распоследнего мига, когда Юница завопила истошно, хлынула соком... Тут уж и Илья вскинулся на выпрямленных руках, взревел

ярим туром и завершил: влил в девкину утробу богатырское семя.

Опорожнился и рухнул, опрокидываясь на спину и подхватывая девку, придерживая за упругую задницу, чтоб осталась с ним, а он — в ней.

Она и осталась. Распласталась на нём, жаркая, подрагивающая мелко, будто оленица, которой вскрыли ножом горло. Влага, её и его, вытекала щедро, пачкая постель...

— Мой господин... Княжич...

— Здесь! — Илья спихнул девку и сел. — Зайди, не мнись! — гаркнул он.

Дозорный отрок осторожно откинул завесу, глянул на раскрасневшегося княжича, потом на девку, испятнанную следами мужских пальцев и губ, раскинувшуюся бесстыдно, бессильную даже прикрыться. Глянул, сглотнул и проговорил почему-то шёпотом:

— К тебе гость, княжич. Из лесу.

— Ты кто?

Лесного гостя сопровождали два гридня из Гордеевой сотни. И сам сотник Гордей. Все трое — на чеку, как будто привели не какого-то там смерда-лесовика, а лучшего из воинов.

Илья встречал, понятно, не голышом в спальне: накинул порты и рубаху, опоясался мечом и сел за стол в светлице, которую облюбовал для умных занятий. Сейчас, понятно, в светлице было не так, как днём, однако пара масляных ламп византийской работы позволяла не просто видеть, но свободно читать самые мелкие буковки.

— Ты кто?

Лесовик подумал немного...

И поклонился в пояс. Сам. Без «помощи» гридней.

— Ладовлас.

— Я спросил, кто ты, а не как тебя зовут, — заметил Илья очень спокойно, хотя внутри всё дрожало, как у гончей, которая поймала след.

— Я скажу, — ответил лесовик. — Но только тебе.

Чем-то он Илье нравился. Тем, как держался, наверное. Признавая старшинство Ильи, но без подбострастия. И без страха. Хотя наверняка понимал, что, шевельни Илья пальцем, и его мигом уволокут в подвал, где он вскоре будет отвечать без запинки на любые вопросы. Ну, если не считать запинками жалобные вопли. Да, крепкий муж. И не физической силой, хотя и тут не обижен, а духом. Ох, непростой это лесовик. Хотя последнее и так понятно. Явился среди ночи, потребовал княжича... И даже как-то убедил гридь, чтоб его пустили. Могли ведь и прибить...

— Почему я должен верить тебе больше, чем моей гриди? — нахмурил брови Илья.

— Сновид сказал. Только тебе, — буркнул лесовик.

— Сновид мёртв.

— Он — да. Воля его — нет.

Да. Есть в лесовике сила. И храбрость. И верность.

— Гордей, заведи своих и выйдите.

— Княжич!

— Ты ведь его сразу ко мне привёл, верно? — усмехнулся Илья. — Почему?

— Псы его не тронули, — сказал Гордей.

Вот это интересно. Псов, которых ночью выпускали охранять Моров, ещё Ярош натаскивал, и обращаться с ними умели немногие. Днём они в яме сидели, взаперти. Потому, кстати, и выжили при штурме.

— Иди, Гордей. Думаешь, я со смердом не управлюсь?

Гордею приказ явно не по душе пришёлся, но подчинился. Вышел и дружинникам махнул: мол, со мной. Впрочем, далеко не ушли. Остались на галерее.

— Я подойду? — спросил Ладовлас.

Илья кивнул. Опасности он не чувствовал. Вряд ли этот человек замыслил недоброе. А если и замыслил... Оружия у него нет, это наверняка проверили. Справиться с оружным Ильёй голыми руками... Это надо силёнку иметь как у покойного Сварожича, великана, которого Илья убил этим летом и который перед тем играючи уложил малый десяток дружинников судеревского князя. До великана со Святогорки Ладовлас не дотягивал ни умением, ни статью.

— Так кто ты?

— Вместо Яроша я, — совсем тихо произнёс ледовик. — А ночью пришёл, чтоб не увидал никто. Думал: тишком к тебе проберусь, да вот... — Он мотнул головой в сторону дверей, — заметили.

— Само собой, заметили. — Илья усмехнулся. — Слово для собак в лесу ещё кто знает?

— Сновид знал. И я. Больше никто.

— Допустим. Поесть, выпить хочешь?

— Некогда, господин. Скажу, что надо, и сразу уйду.

«Нет, друже, ты уйдёшь, когда я разрешу», — подумал Илья. Но вслух не сказал. Чтоб не спугнуть.

— Говори! — разрешил он.

— Соловей, — сказал Ладовлас. — Сновид велел выдать его тебе.

— Опоздал. — Илья нахмурился. — Я его уже в Киев отвёз. В клетке.

Неужели не знает?

Знает, как оказалось.

— Соловья ты взял, за что хвала тебе! — Ладовлас поклонился в пояс, коснувшись рукой пола. — Сновид себя убил, чтоб в руки татю не даваться. Ты Соловья взял. Жаль не наказал...

— Без меня накажут, — усмехнулся Илья. — Великий князь его ярлу Сигурду отдал, а тот — палачу своему, Хравну. Думаю, Соловушка наш теперь кровью плачет, что я его вместе с дружками не зарезал. Хотя и дружкам его тоже умирать нескучно было. Да ты слышал, пожалуй.

— Слышал, — кивнул Ладовлас. — Только зря ты так. Людъ тебя теперь как зверя лютого страшится.

— Зато вдругорядь разбойникам помогать поостерегутся.

— А куда им деться? — пожал плечами Ладовлас. — Лихие люди тоже шкуру содрать могут. Но ведь на то они и лихие, а ты — господин. Ты нас оберегать должен.

— Что я должен, а что нет — сам разберусь, — буркнул Илья. — Всё сказал, что хотел?

— Да ничего я ещё не сказал, — проворчал лесовик. — Ты ж слова вставить не даёшь... господин.

— Говори.

— Я и говорю: Соловья нет, но родня его осталась.

— И велика ль? — поинтересовался Илья.

— Шестеро сыновей у него, а дочерей — девять, — ответил Ладовлас. — Но один парень и две последние девки малы ещё. Они от третьей жены. А остальные с оружием управляться горазды, что парни, что девки, и злодеи все поголовно! — произнёс он с ожесточением. — Кровь лить, люд мучить — им в радость. Отец их сызмала убивать учил. И жену свою, которая третья, тоже учил. Он её украл где-то малой совсем. Говорили: знатного она рода. Сначала наложницей сделал, а как сына родила — женой пред богами. Думаю, она теперь стаей и верховодит: соловичами и теми, кто к ним прибился. Кличут её Смертной Хворью, и не зря.

«А я эту Хворь, считай, в руках держал, — с досадой подумал Илья. — Вот же...»

— Изрядный выводок, — процедил он. — И как их найти, Ладовлас?

— Найти можно. Я подскажу как, — пообещал лесовик. — Сам не отыщешь.

— Ты знаешь, где они?

— Знаю, кто знает, — ответил Ладовлас. — Те, кто сам в их ватаге. Но эти даже и захотят — не выдадут. Соловичи за такое отмстят страшно. И обидчику, и родне. Так что о том, что я к тебе приходил, — никому, господин! И воям своим скажи. Меня убьют — пусть. Но они весь мой род вырежут. Такая у них повадка.

— Сурово!

— Сказал же: им кровь лить, как нам мёд пить.